

Научная статья
УДК 2-1
doi: 10.54398/1818510X_2023_1_86

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Б. Г. НИБУРА

Сазонова Татьяна Алексеевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
TSA1694@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0253-1767>

Аннотация. Результаты данного исследования вносят вклад в изучение социально-политической мысли Германии XIX в., затрагивая проблему церковной политики, актуальную для современности. Цель – проанализировать корпус работ прусского историка и государственного деятеля Б. Г. Нибура на предмет его религиозных убеждений, проследив их взаимосвязь с политическими идеями. В основу статьи легли работы немецких и отечественных исследователей. В ходе работы были применены компаративный метод, синтез, методы интерпретации результатов и внутренней критики источников, политико-текстологический анализ. Автором обоснован вывод о влиянии на политические идеи Нибура религиозного компонента. Теоцентризм мыслителя оказал существенное влияние на его представление о божественной природе государства и конституции. Значимую роль в данном вопросе сыграла доктрина протестантизма: сторонник учения М. Лютера, Нибур развил идеи «завершения» Реформации и избавления «истинной» веры от «религиозной». Изложенный им в личной корреспонденции проект стал связующим звеном между религиозными взглядами историка и его планом политического реформирования прусского государства, включавшем в себя внедрение принципов местного самоуправления. Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют говорить о целостной системе взглядов мыслителя.

Ключевые слова: религия, церковная политика, Нибур, теология, теоцентризм, Лютер, протестантизм, ортодоксия, Реформация, местное самоуправление

Для цитирования: Сазонова Т. А. Религиозный аспект политических взглядов Б. Г. Нибура // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 86–90. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_86.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE RELIGIOUS ASPECT OF B. G. NIEBUHR'S POLITICAL VIEWS

Tatyana A. Sazonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
TSA1694@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0253-1767>

Abstract. The research contributes to socio-political studies of 19th Europe. It also concerns the current issue of church politics. The article purposes an analysis of the writings of Prussian statesman and historian B. G. Niebuhr and the interrelation between his political ideas and religious beliefs. The interrelation is traced with the help of modern methods such as comparison, synthesis, interpretation of results, internal criticism of sources, political textology. The article is based on the works of German and Russian researchers. It shows the significance of the religious component and doctrine of Protestantism in Niebuhr's interpretation. His theocentrism led him to the idea of divine natures of state and constitution. He also developed the concept of "complete" Reformation and aimed to get rid of the "true" faith from the "religious" one as a Protestant and Luther's adherent. The concept became a link between Niebuhr's religious beliefs and his project of political reforming Prussia which included the implementation of local government principles. The research results allow to speak about Niebuhr's holistic belief system.

Keywords: religion, church politics, Niebuhr, theology, theocentrism, Luther, Protestantism, orthodoxy, Reformation, local government

For citation: Sazonova T. A. The religious aspect of B. G. Niebuhr's political views. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 86–90. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_86.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

На протяжении всей истории человеческой цивилизации политика и религия следовали рука об руку, представляя собой два типа господства. Их дуализм лёг в основу структуры общества, что можно проследить на примере сословных стратификаций в ряде древних культур, таких как греческая (жрецы и воины-граждане полиса), индийская (брахманы и кшатрии) и т. д. Также это имело место в контексте не только общеисторической генеалогии, но и мировосприятия отдельного человека, чья система политических взглядов зачастую была продиктована тем или иным религиозным догматом или, по крайней мере, тесно с ним связана.

Изучая труды разных мыслителей, невозможно понять до конца их политические предпочтения, не затрагивая их суждения в области истории, экономики, культуры – и религии. Яркий тому пример – Бартольд Георг Нибур, прусский историк и государственный деятель конца XVIII – первой половины XIX в., чьи идеи сформировались в немалой степени под воздействием личного религиозного опыта. Нибура вряд ли можно назвать религиозным мыслителем, однако значительная часть его воззрений берёт своё начало именно в духовной жизни. Говоря о немецкой политической мысли в целом, необходимо упомянуть и тот факт, что оказавший существенное влияние на своих последователей М. Лютер, постулируя идею национальной церкви и, как следствие, национальной государственности, тем самым соединил политическую теорию и теологию.

Результаты представленного исследования вносят вклад в изучение социально-политической мысли Германии XIX в., затрагивая проблему церковной политики. Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать корпус работ Нибура на предмет его религиозных убеждений, проследив их взаимосвязь с политическими идеями. Актуальность исследования заключается в политико-текстологическом анализе сочинений, малоизученных в русскоязычном научном поле.

Основная часть

Воспитанный в религиозной среде Нибур жил в переломную для традиционного общества эпоху. Европейское и, в первую очередь, французское Просвещение в XVIII в. выступило главным критиком церкви, диктующей догмат разума. Немецкая мысль также не оставалась в стороне. Несмотря на то, что её представители в своих помыслах были зачастую куда более консервативны,

чем их французские собратья, вопрос о необходимости церкви и её учения уже достиг той точки, когда не мог быть просто списан со счётов, и даже самые осторожные немецкие авторы предлагали свои проекты. Наглядно раскол между старыми и новыми устоями продемонстрировал «этико-теологический» проект И. Канта, предложившего заменить прежнюю «естественную» теологию на «моральную». Его идея заключалась в том, что религия, некогда игравшая главную роль в духовной жизни общества, должна была отойти на второй план, уступив место светской морали, и использоваться в случае необходимости лишь для поддержания нравственного образа мыслей. Позиция Нибура в этом вопросе резко отличалась. Его мировосприятие было сложено таким образом, что Бог занимал в нём главное положение, а вера в него являлась стержнем всего человеческого характера и существа; из неё следовали мораль, любовь к жизни и вера в истину. Тем не менее полемика между учёными, каждый из которых стоял на перепутье религиозного опыта предков и новых открытий разума, на первых порах привела Нибура в смятение, заставив усомниться. Наиболее живо его чувства в тот период описал историк церкви Отто Мейер [11, p. 34–35].

Став старше, Нибур обрёл уверенность, которая позволяла ему, опираясь на веру, сохранять ясность ума и бодрость духа; то религиозное начало, которое было заложено в нём в детстве, развилось и укрепилось. Вся реальность вокруг была для него пронизана Богом, основу самой веры, по его словам, составляли «сердце и живое восприятие» (*Herz und lebendige Anschauung*) [8, p. 474]. Он был участлив к ищущим утешения молодым людям, ободряя их и делаясь своим опытом [10, p. 81–82].

Этико-теологический и философский аспекты

Теоцентризм Нибура оказал существенное влияние на его политические взгляды: из всех теорий происхождения государства ближе всего он стоял к теологической. Для него политическое было тесно связано с религиозным, что прослеживается, например, в его рассуждениях о роли религии в Древнем и современном мире [10, p. 102–103]. В своей теоретической части он также опирался на античных философов – Аристотеля, у которого заимствовал учение об обществе, и Платона, объективный идеализм которого органично сочетался с представлениями историка о божественном источнике государства и права. Сформированная таким образом система взглядов представляла собой комбинацию из предпосылок различных учений, среди которых большее внимание было уделено теологии. Теорию общественного договора Нибур отрицал. «Моё убеждение, – говорил он, – таково: ни один человек не может передать отцовскую власть, и точно так же никакое гражданское общество никогда не возникло путём договора и передачи верховной власти, и не может возникнуть. Аристотель был прав: общество больше, чем отдельный человек, как любое тело больше, чем его отдельный член; в утробе матери он не формируется отдельно – вся жизнь возникает как единое целое. Общество есть совместная органическая жизнь, в которой отдельные части обретают своё назначение; человек предназначен природой для государства, а идея государства божественна; это установлено Богом и относится к сущности человека, как брак и отцовские отношения. Однако это учреждение не может быть полностью представленным на земле; то, каким образом мы существуем, есть только тень его божественной идеи» [7, p. 214].

Тезис о том, что наличие государства есть следствие не действий и договорённостей людей, а результат божественного откровения, ставил историка в один ряд со средневековыми схоластами, в значительной мере отдаляя от современников. Этого, однако, он не чурался: «Идея древних, что конституция большинства государств даётся оракулами, глубоко верна. В ней кроется смутное чувство того, что государство есть откровение от Бога, и это воззрение гораздо более высокое, чем в восемнадцатом веке» [7, p. 215]. Обращение к оракулам было для Нибура куда более значимой вещью, чем просто занятым элементом древнегреческой мифологии и истории [10, p. 188].

Ещё одной важной составляющей стала высказанная им идея о телеологической природе человека. В представлении Нибура, человек изначально незрел (*unmündig* – «несовершеннолетний»), и его цель на земле – достичь «совершеннолетия» (*Mündigkeit*). С каждым периодом истории человек становится всё более зрелым, двигаясь навстречу идеалу, заданному Богом: «Правительство может функционировать в самых разнообразных формах; истинная форма была бы возможна только тогда, когда бы рядом с человеком стояли высшие существа и судили его. Но тогда человек был бы незрел, а Бог не хотел этого; на земле человек должен возрасти, и эта жизнь является подготовкой к его более высокой зрелости. Поэтому приближение к вечному божественному правлению, хоть и несовершенно, должно было произойти и на земле» [7, p. 214–215].

Каким именно должно быть «божественное» правление, в чём заключается его суть и каковы его основные критерии, Нибур не уточняет, говоря лишь о том, что варианты политического устройства могут быть различны [7, p. 215]. Без внимания историк оставил и то, каким образом человечество придёт к «божественному» правлению на земле, если уже отошло от более верных взглядов на него, которыми обладали в древности; это логическое несоответствие осталось неразъяснённым.

Единственно правильной и единственно возможной верой для Нибура была вера в единого христианского Бога. «Когда-то для большинства, – рассуждал он (разговор касался перемен в исторической науке – ухода от романтически окрашенного филелинизма и критики ранее признаваемых источников), – было куда приятнее представлять отдельное божество, охраняющее каждое дерево; цветок, священный для другого бога, чем верить в Единство Творца, правящего всем и вся; но что если бы они отвергли его, потому что эта вера разрушала их детские мечты?» [10, p. 93]. Здесь вновь прослеживается телеологический характер взглядов историка. Для него язычество – «детский» период человеческой истории, уход от которого в сторону христианства был следующим естественным шагом на пути к истине и «совершеннолетию». Об этом он также говорит в своей интерпретации «Божественной комедии» Данте: «Non salirai tu alla cima, – говорит Вергилий, – per questa strada», – иными словами: «невозможно достичь мудрости, путешествуя по миру, как ты делал это до сих пор; нужно, чтобы ты оставил это и чтобы, созерцая человеческую жизнь, её недостатки и пороки, <...> ты подготовил себя к тому, чтобы быть приведённым к познанию сверхвещей в Царстве Божьем, что не может быть получено через изучение языческих авторов» [10, p. 192; 3, c. 132–133].

Как многие немцы, Нибур был воспитан в протестантской вере и горячо почитал её основателя [10, p. 161]. Критика им просвещённого рационализма во многом была продиктована догмами лютеранства – утверждениями Лютера о несвободе человеческого разума и единственной возможности спасения путём веры. Кроме того, свой отпечаток накладывал предписываемый протестантами аскетизм: разделяя их положения, Нибур не воспринимал внешние проявления исповеданий. Истинная вера, по его мнению, не требовала доказательств ни в теоретических вещах (символические книги), ни в практических, как это было у католиков (пышность обрядов, роскошь церковного убранства, система индульгенций). Сведение веры к хотя бы и самому широкому, но так или иначе ограниченному числу догматов, полагал Нибур, рискует в дальнейшем непременно обнаружить самую сильную несогласованность среди верующих. Он разделял идеи Клауса Хармса, немецкого богослова, выступавшего против теологического рационализма. Но когда тот в своих тезисах указал на значимость символических книг [6, p. 23], Нибур никоим образом не был согласен с этим [9, p. 340]. «Религия настолько бесплотна, – говорил он, – что, как только вы сводите её к догматам веры, стремясь к согласованности, которой мы ожидаем во всех других вопросах, то приходите к последствиям, некоторые из которых никак не могут быть её частью» [10, p. 133].

Такое понимание религии подразумевало наличие разного рода толкований и течений внутри единого направления. Это было то, что, с одной стороны, могло нивелировать разногласия, а с другой – способствовало бы развитию и укреплению веры в немецком обществе, не только в теории, но и на практике. Однако, несмотря на вольный дух протестантской церкви, она не была свободна от догматизма.

Ещё с начала своего появления лютеранская ортодоксия диктовала собственные каноны, несогласие с которыми и их дальнейшее переосмысление рождали новых «вольнодумцев», таких как Ф. Я. Шпенер, А. Г. Франке или Я. Бёме. Их деятельность была связана с критикой лютеранской церкви и попытками её реформирования. Под их именами возникали мистические вероучения, пие-тизм. Стремление ортодоксальных богословов искоренить любую такую доктрину, не укладывавшуюся в рамки прежнего канона, вело к тому, что его законность всё меньше привлекала паству. Кто-то даже обращал свой взгляд в сторону католической церкви, надеясь найти в ней новое Откровение, что, по мнению Нибура, не требовало осуждения, но не могло принести должного результата: католическая церковь в его представлении была ещё более «мертва», чем протестантская [8, p. 473–474]. «Поэтому, – писал он, –

когда набожный напуганный протестант, тоскующий по своей церкви <...>, бросает слабый, таящий в себе любовь взгляд на католическую церковь; и если ему тем легче поверить в иллюзию того, что он, быть может, никогда не видел их клерикализма или вырождения, думаю, мы не должны на него гневаться» [8, p. 472–473].

Поведение немецких ортодоксов сковывало развитие религиозного духа в Германии. Те, кто искали большего, чем простое соблюдение обрядов, постепенно примыкали к нетривиальным течениям. «Я завязал любопытное знакомство, – вспоминал Нибуэр, – с крестьянином из Трира. Он приехал к Пале, чтобы разрешить свои сомнения, но здесь с ним обошлись очень грубо. Из его примера ясно видно, что римские священнослужители, с их точки зрения, совершенно правы, запрещая чтение Библии, ибо благодаря столь усердному чтению он стал не кем иным, как горячим сторонником пиетизма. Но он открыто настаивал на том, что только Библия может быть источником веры и что разнообразие веры не может привести к Спасению. <...> Сам по себе он был чрезвычайно почитен ко мне, и я надеюсь уберечь его от дальнейших преследований. Его история и сам он были словно из другой эпохи. Из его примера я понял, что если бы протестантское духовенство всё ещё имело позитивную веру, и Библия распространялась в католической Германии, вторая Реформация была бы вполне возможной» [9, S. 315]. Говоря о «позитивной» вере, Нибуэр подразумевал открытость к другим течениям и интерпретациям.

Таким образом, Нибуэр, во-первых, признавал разнообразие веры, более того – его необходимость в Германии, а во-вторых – мысленно обращался к проекту повторной Реформации. Как будет видно в дальнейшем, оба эти тезиса имели конкретную политическую импликацию.

Проект второй Реформации

Процессы, происходившие в немецком обществе, склоняли Нибуэра к тому, чтобы проводить различие между «истинной верой» (*eigentlicher Glaube*) и «религиозной» (*der religiöse*); первая была велением собственного сердца, вторая – набором диктуемых правил: «Истинная вера, – писал историк, – в гораздо более широком смысле, чем религиозная, либо недоступна каждому, либо её способность укорениться и процветать может разрушить нестройность (дисгармония) интеллектуальной жизни. Почва может быть достаточно плодородной, но климат неблагоприятным» [8, p. 469].

Ход его мыслей был понятен: что есть познание Бога, себя и мира вокруг через Него, как не работа души? И можно ли приблизиться к вере, оградив любопытство ума священными догмами и довольствуясь только ими, не дав душе пройти путь от младенчества до зрелости, от невинной наивности до глубинной библейской мудрости? Нибуэр чувствовал, что для сохранения веры протестантизм нуждался не в едином каноне, требовавшем слепого поклонения, но во внутререлигиозном многообразии, если угодно – в сектантстве. Последнее, по его мнению, могло быть чрезвычайно плодотворно для религиозных отношений, на что указывал пример протестантской Англии: «Я часто спрашиваю себя, как это должно быть? В католических странах духовенство вымерло; быть более благочестивым скоро никто не сможет или не захочет. У нас есть имена и формы, и общее тупое осознание того, что это неправильно; всем страшно, мы чувствуем себя живыми призраками. Я говорю только о материке, ибо в Англии, конечно, христианство твёрдо, как скала – как раз с бесчисленными, постоянно возникающими сектами, свидетельствующими о плодородии почвы» [8, p. 474].

В то время в Англии действительно можно было наблюдать активность разного рода религиозных обществ. Широкую известность во второй половине XVIII в. под влиянием проповедника Джона Уэсли получило движение методистов, в то время как при королеве Анне были основаны начальные школы, дававшие детям из бедных семей знания об учении англиканской церкви, не разделявшие его диссиденты (англ. *dissent* – несогласие) строили свои учреждения. «Диссиденты, – писал английский историк Джордж Тревельян, – которые не допускались в университеты по закону, а во многие школы – по закону или по обычаю, основали по всей стране большое число своих собственных прекрасных школ и академий, охватывающих все ступени образования, от низшего до высшего» [4, с. 353]. Вольтер сетовал на то, что при таком многообразии в церкви англичане имеют на кухне всего один соус; а тот факт, что все шотландцы были сплошь якобитами либо пресвитерианами, по словам того же Тревельяна, «в обоих этих случаях вызывал отвращение у четырёх из каждых пяти англичан» [4, с. 449].

Нибуэр желал того же в Германии, хотя вряд ли можно было утверждать с абсолютной уверенностью, что в ней баптисты и менониты преследовались менее рьяно, нежели диссиденты в Англии. Тем не менее его воззвание к сектам имело практический смысл. Нибуэр был в числе тех, кто полагал, что для завершения начатого Лютером – окончательного избавления веры от религии (или «истинной веры» от «религиозной») – требовалась повторная Реформация. Рост числа религиозных движений должен был стать её первым этапом – потому историк испытывал неприязнь к ортодоксии, тормозившей, по его мнению, этот процесс и ограничивавшей немецкое общество в духовном развитии: «У нас, мне кажется, равнодушие возникло от негодования на отвратительных ортодоксов, которые по папистски нападали на мистиков – Шпенера, Франке и других, претендующих на священство с такой дерзостью, с какой этого не делал ни один капуцин. И, как я понимаю, любой, кто попадал под их плеть, становился мистиком либо с горькой ненавистью обращался к вольнодумству» [8, p. 473].

Предполагалось, что рост количества сект в Германии постепенно разрушит прежнюю церковь; распространяя альтернативное учение, они бы обращали на себя внимание всё большего числа прихожан, тем самым увеличивая своё влияние в обществе. Однако в отличие от 1517 г., который перерос в Тридцатилетнюю войну, для второй Реформации Нибуэр предрекал мирной, ненасильственный путь. «Я не хочу, – признавался он, – сносить мёртвую церковь, но если она вот-вот рухнет, я не буду волноваться» [8, p. 475].

Не обладавшего ни заговорщической, ни бунтарской натурой историка одолевал страх перед войнами, кровопролитными и разорительными. Нежелание развязать кампанию, в которой больше сгинет, чем отстоит свою веру, побуждало его смиренно внимать библейской заповеди: «*Ärgerniß muß seyn, wehe dem, durch den es kommt!*» – цитирует он Евангелие («Соблазн должен быть, но горе тому, через кого он приходит!») [8, p. 474–475]. Как и в случае с крестьянином из Трира, Нибуэр не видел иного способа поддержать вольнодумцев, кроме как оказывая им своё содействие, помочь укрыться от преследований и тем самым сберечь семена «истинной» веры до того момента, пока обновлённый «климат» протестантской Германии не позволит им взойти наилучшим образом. Его взгляды не были радикальны, а ход мыслей не предполагал революционных или конспиративных действий ни от себя, ни от других, из-за чего проект по реорганизации церкви выглядел скорее тщетными надеждами, нежели продуманным планом.

Согласно его ожиданиям, на втором этапе процесс Реформации должен был сопровождаться появлением нового Откровения. «Я ещё меньше понимаю, – писал историк, – почему в религиозных отношениях должно быть лучше, чем в гражданских, если не будет нового Откровения. Религию, в которой люди не могут твёрдо стоять на ногах, а висят на руках, невозможно поддерживать долго» [9, p. 328]. В его представлении, имевшиеся тексты и учения исчерпали себя, но оставались прихожане, готовые им следовать и повиноваться между небом и землёй, подобно библейскому Авессалому; из последних сил они цеплялись за прежние убеждения, в то время как порывы времени швыряли их из стороны в сторону, а тяжесть собственных сомнений тянула вниз. Новое Откровение было не просто символической вещью: свободное от прежних догм, оно было призвано возродить немецкое общество, вдохнув в него дух утраченной веры. О том же, в каком виде оно должно снизойти и от кого его стоило ожидать, Нибуэр умалчивал: эти замыслы были столь же эфемерны и схематичны, как и весь проект повторной Реформации в целом. Было ясно лишь то, что это, как и всё прочее, случится естественным образом: «Будем верить, что Утешитель придёт, когда мы меньше всего его ожидаем. Все скорби этого века приведут нас к истине, если мы того захотим» [8, p. 475].

Цитата Нибуэра об Откровении становится ещё одним доказательством того, какую важную роль в социально-политических взглядах историка играла религия, помогая уяснить общий принцип: сперва вера, затем политика. Однако где пролегает граница между первым и вторым? Где заканчивается круг вопросов христианской общины и начинается подчинение правительственной власти?

Третий, завершающий этап второй Реформации подразумевал крушение официальной церкви и образование вместо неё множества религиозных общин. «Человек, – утверждал Нибуэр, – станет подлинней и чище по мере того, как будет устранено всё, что сердцем не принадлежит ни к одной из общин (*Gemeinden*), которые затем будут сформированы в большом количестве» [8, p. 474]. За основу им был взят образ совместной жизни, описанный в «Деяниях апостолов». Ключевым элементом такой организации

был принцип выборного священства – каждая из общин выбирала своего пресвитера; и самостоятельность граждан в сфере духовной жизни не могла не найти отражения в политическом поле. Между тем план Нибура по политической реорганизации страны (тема для отдельного исследования) предполагал внедрение системы «свободного управления» (*freie Verwaltung*) на уровне провинций, городов и сельских общин [5, p. 29–34]. И если местное самоуправление, апологетом которого был историк, не следовало из принципа выборности пресвитеров напрямую (во всяком случае, на декларативном уровне), то, по меньшей мере, органично с ним сочеталось.

Таким образом, проект (хоть и весьма условный) второй Реформации стал «мостиком» между религиозными взглядами Нибура и его планом по политической реорганизации немецких земель. В пользу этого говорит и то, что Нибур, размышляя о политическом реформировании, подразумевал исключительно протестантские монархии [2].

Выводы

Политическая теория Нибура наглядно демонстрирует, что даже после того как по европейским умам пронёсся вихрь Просвещения, далеко не все мыслители были готовы расстаться с духовным наследием прошлого, отринув его как не отвечающее запросам времени. Оно по-прежнему находило отклик, в том числе и на поприще политической мысли. Вера в Создателя, сотворившего всё и вся, подводила Нибура к идее о божественном источнике государства и права; отсюда следовала критика им теории общественного договора. На это накладывались концепции античных авторов – идеализм Платона и учение об обществе Аристотеля. Также своё влияние на историка оказывал протестантизм, в котором тот был воспитан. Подобно Лютеру, который, по выражению М. Вебера, избавил веру от религии, Нибур стремился к «истинной вере» вопреки «религиозной». Последняя, по его мнению, была следствием работы ортодоксов, чья нетерпимость к инакомыслию и любым интерпретациям, выходящим за рамки общепринятых протестантских канонов (например, «Книги Согласия»), сковывала прихожан в их духовных устремлениях. Помочь этому могла лишь повторная Реформация, но осуществлённая бескровным, ненасильственным путём. Первым её этапом должен был стать естественный рост числа религиозных движений на территориях немецких монархий наподобие того, как это было в Англии, избоблавшей на тот момент (по крайней мере, в представлении других европейцев, многие из которых были подвержены англофилии) разного рода сектами. При этом парадоксально то, как неподдельный интерес Нибура к древним оракулам и его утверждение о необходимости разнообразия веры сочетались с неприятием языческих верований, по сути своей ещё более разнообразных, нежели в монотеистических религиях. Второй этап Реформации предполагал появление нового Откровения, призванного вдохнуть в немецкое общество дух утраченной веры. Третий этап, заключительный, подразумевал распад ортодоксальной церкви и образование вместо неё множества религиозных общин с выборным священством. Между тем принцип выборности органично сочетался с идеями Нибура о местном самоуправлении и его планом политического реформирования прусского государства.

Список литературы

1. Классен, Й. Бартольд Нибур, его жизнь и деятельность / Й. Классен ; пер. с нем. Л. О. Вейнберга. – Москва : Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1894. – 114 с.
2. Сазонова, Т. А. Примиряя сердца: Бартольд Георг Нибур о католицизме в Германии / Т. А. Сазонова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12, вып. 12 (110), ч. 2. – URL: <https://history.jes.su/s207987840019436-8-1/> (дата обращения: 11.01.2023). doi: 10.18254/S207987840019436-8.
3. Сазонова, Т. А. Торжество комментария: за кем последнее слово? (к методологии политико-текстологического анализа) / Т. А. Сазонова // SCHOLA-2022 : сб. науч. ст. факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / под ред. А. Ю. ШUTOVA и А. А. ШИРИНЯНЦА. – Москва : Московский ун-т, 2022. – С. 132–134.
4. Треvelyan, Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Дж. М. Треvelyan ; пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. – Смоленск : Русич, 2001. – 624 с.
5. Bunsen, C. K. J. Niebuhr's political opinions and character. A letter addressed to the editor by chevalier Bunsen / C. K. J. Bunsen. – London : Bradbury and Evans, 1852. – 57 p.
6. Die höchstmerkwürdigen 95 Theses oder Streitsätze Sr. Hohehrwürden Herrn Claus Harms (Archidiakons an der St. Nicolaikirche in Kiel), welche derselbe im Jahr 1817 dem Volke wirklich durch den Druck zur Prüfung und Beherzigung übergeben hat, beleuchtet von Einem aus dem Volke, dem ächte Religiosität, Wahrheit und Vernunft heilig sind / C. Harms. – Altona : Georg Wilhelm Otto von Ries, 1818. – 38 S.
7. Geschichte des Zeitalters der Revolution. Vorlesungen an der Universität zu Bonn im Sommer 1829 gehalten von B. G. Niebuhr / B. G. Niebuhr. – Hamburg : Agentur des Rauhen Hauses, 1845. – Band 1. – 407 S.
8. Lebensnachrichten über Barthold Georg Niebuhr aus Briefen desselben und aus Erinnerungen einiger seiner nächsten Freunde / B. G. Niebuhr. – Hamburg : Verlag von Friedrich Perthes, 1838. – Band 1. – 603 S.
9. Lebensnachrichten über Barthold Georg Niebuhr aus Briefen desselben und aus Erinnerungen einiger seiner nächsten Freunde / B. G. Niebuhr. – Hamburg : Verlag von Friedrich Perthes, 1838. – Band 2. – 512 S.
10. Lieber, F. Reminiscences of an Intercourse with Mr. Niebuhr, the historian, during a residence with him in Rome, in the years 1822 and 1823 / F. Lieber. – Philadelphia : Carey, Lea & Blanchard, 1835. – 192 p.
11. Mejer, O. Eine Erinnerung an Barthold Georg Niebuhr. Vortrag, gehalten im Evangelischen Vereine zu Berlin am 5. Februar 1866 / O. Mejer. – Leipzig : Druck von J. B. Hirschfeld, 1876. – 88 S.

References

1. Classen, J. *Barthold Niebuhr, ego zhizn i deyatel'nost'* [Barthold Niebuhr, his life and works]. Moscow: Vysochayshe utverzhdennoe Tovarishchestvo Skoropchatni A. A. Levenson; 1894, 114 p.
2. Sazonova, T. A. *Primiryaya serdtsa: Barthold Georg Niebuhr o katolitsizme v Germanii* [Reconciling the Hearts: Barthold Georg Niebuhr on the German Catholicism]. Available at: <https://history.jes.su/s207987840019436-8-1/>, doi: 10.18254/S207987840019436-8 (accessed: 11.01.2023).
3. Sazonova, T. A. *Torzhestvo kommentariya: za kem poslednee slovo? (k metodologii politiko-tekstologicheskogo analiza)* [Triumph of the commentary: who has the last word? (to the methodology of political and textual analysis)]. SCHOLA-2022. Ed. By A. Yu. Shutov and A. A. Shirinyants. Moscow: Moscow University Press; 2022, pp. 132–134.
4. Trevelyan, G. M. *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [English Social History: A Survey of Six Centuries: Chaucer to Queen Victoria]. Moscow: Rusich; 2001, 624 p.
5. Bunsen, C. K. J. *Niebuhr's political opinions and character. A letter addressed to the editor by chevalier Bunsen*. London: Bradbury and Evans; 1852, 57 p.
6. *Die höchstmerkwürdigen 95 Theses oder Streitsätze Sr. Hohehrwürden Herrn Claus Harms (Archidiakons an der St. Nicolaikirche in Kiel), welche derselbe im Jahr 1817 dem Volke wirklich durch den Druck zur Prüfung und Beherzigung übergeben hat, beleuchtet von Einem aus dem Volke, dem ächte Religiosität, Wahrheit und Vernunft heilig sind* [The most remarkable 95 theses or arguments of Sr. Reverend Claus Harms (Archideacon at St. Nicolaikirche in Kiel), which he actually handed over to the people in 1817 through pressure for examination and heed, illuminated by one of the people, to whom real religiosity, truth and reason are sacred]. Altona: Georg Wilhelm Otto von Ries; 1818, 38 p.
7. *Geschichte des Zeitalters der Revolution. Vorlesungen an der Universität zu Bonn im Sommer 1829 gehalten von B. G. Niebuhr* [History of the Age of Revolution. Lectures given at the University of Bonn in the summer of 1829 by B. G. Niebuhr]. Hamburg: Agentur des Rauhen Hauses; 1845, vol. 1, 407 p.
8. *Lebensnachrichten über Barthold Georg Niebuhr aus Briefen desselben und aus Erinnerungen einiger seiner nächsten Freunde* [Life news about Barthold Georg Niebuhr from letters from the same and from memories of some of his closest friends]. Hamburg: Verlag von Friedrich Perthes; 1838, vol. 1, 603 p.

9. *Lebensnachrichten über Barthold Georg Niebuhr aus Briefen desselben und aus Erinnerungen einiger seiner nächsten Freunde* [Life news about Barthold Georg Niebuhr from letters from the same and from memories of some of his closest friends]. Hamburg: Verlag von Friedrich Perthes; 1838, vol. 2, 512 p.

10. Lieber, F. *Reminiscences of an Intercourse with Mr. Niebuhr, the historian, during a residence with him in Rome, in the years 1822 and 1823*. Philadelphia: Carey, Lea & Blanchard; 1835, 192 p.

11. Mejer, O. *Eine Erinnerung an Barthold Georg Niebuhr. Vortrag, gehalten im Evangelischen Vereine zu Berlin am 5. Februar 1866* [A memory of Barthold Georg Niebuhr. Lecture given at the Evangelische Vereine in Berlin on February 5, 1866]. Leipzig: Druck von J. B. Hirschfeld; 1876, 88 p.

Информация об авторе

Сазонова Т. А. – аспирант.

Information about the author

Sazonova T. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 30.01.2023.